

ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2026.13.1.4>

EDN: KBWYGM

В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

УВЕРЕННОСТЬ ГРАЖДАН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ: РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена представлениям граждан о возможностях влияния на политику (political efficacy). Многочисленные исследования этих представлений проводились в Западных демократиях с 1950-х гг., однако в России они остаются слабо изученными. Анализ репрезентативных опросных данных, собранных в Европейском социальном исследовании 2018 г. в 30 странах, включая Россию (ESS, Round 9), показал, что преобладающее большинство в нашей стране не верит в восприимчивость политической системы к их интересам и считает себя неспособными к политической деятельности. По оценкам этих аттитюдов, Россия занимает одно из последних мест среди европейских стран, резко отличаясь от развитых стабильных демократий, где уверенность в возможности влиять на политику имеет значительно большее распространение. Неверие в возможность влиять на политику широко распространено в России во всех социальных слоях, хотя немногим менее выраженным оно оказывается у мужчин, в младших возрастах и при высоком образовании. Политическая эффективность оказывает заметное влияние на реальное участие наших сограждан в политике: с ее повышением растут показатели контактов с политиками, участия в работе общественных ассоциаций, подписания петиций, выходов на законные демонстрации, бойкотов

товаров и политической активности в Интернете. Сильные различия политической активности в зависимости от уверенности индивидов в своем влиянии на политику наблюдаются не только в России, но и во многих других странах Европы. В заключении отмечается, что российская политическая культура отличается неверием в возможности общественного изменения посредством политической активности.

Ключевые слова: представления граждан о влиянии на политику, внутренняя и внешняя политическая эффективность, социальное структурирование, взаимосвязи с политическим поведением, сравнительный анализ, Россия и страны Европы.

Для цитирования: Сафронов В.В. Уверенность граждан в политическом влиянии: Россия в европейском контексте // Власть и элиты. 2026. Т. 13. № 1. С. 111–136. <https://doi.org/10.31119/pe.2026.13.1.4>. EDN: KBWYGM.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая эффективность — убеждение, что индивиды могут влиять на политические процессы, — являлась одним из основополагающих понятий в мировой политологии, социологии и психологии на протяжении десятилетий, начиная с 1950-х гг. Этому понятию были посвящены высоко цитируемые работы, в которых обсуждались его теоретический вклад, способы измерения и влияние на политическое поведение. Развернутый обзор состояния этих исследований «политической самоэффективности» был сделан И.Р. Сариевой [1]. В нем отмечается важность различения трех основных разновидностей политической эффективности — внутренней, коллективной и внешней. Внутренняя эффективность связана с верой человека в свою способность влиять на политику, коллективная — с уверенностью, что такое влияние может оказывать социальная группа, а внешняя подразумевает представления о том, насколько политическая система восприимчива к требованиям граждан. Существенное внимание уделяется факторам формирования и изменения «политической самоэффективности» — условиям политической социализации, особенностям социально-экономических условий и политической системы, а также медиапотреблению и информационному фону. В ряде работ обсуждаются взаимосвязи этой эффективности с демографическими

и социально-структурными характеристиками. Многими исследователями рассматривается зависимость самоэффективности от различных форм политического поведения — электорального, конвенционального и протестного политического участия. В России такая политическая эффективность остается практически неизученной.

В настоящей работе предпринимается попытка эмпирического исследования представлений российских граждан о возможностях влияния на политику. В первом разделе будет коротко охарактеризовано состояние западных исследований, релевантных задачам принятого далее анализа. Затем будет дано описание задач и сравнительной методологии изучения российских представлений в соотнесении с западными демократиями и посткоммунистическими странами. Наконец, будут представлены выявленные эмпирические факты о распространенности политической эффективности в нашей стране, ее социально-демографическом структурировании и влиянии на различные формы политического поведения.

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Политическую влияние или эффективность (political efficacy), согласно классическому американскому исследованию А. Кемпбелла, Г. Гурина и У.Е. Миллера «Избиратель решает», «можно определить как убеждение, что политическое действие индивидов действительно влияет или может повлиять на политический процесс» [6, р. 187]. Граждане, полагающие, что руководящие персоны восприимчивы к электорату и ответственны перед ним, и что индивидуальная политическая активность способна воздействовать на государственную политику, а также те, кто считает, что каналы доступа частных граждан к принимающим политические решения не ограничиваются урной для голосования, с намного большей вероятностью окажутся политически активными, чем граждане, которые чувствуют себя отчужденными от политического процесса [Ibid., р. 194]. В Соединенных Штатах уверенность в политической эффективности является одним из наиболее заметных аттитюдов, влияющих на участие в голосовании [7, р. 490]. «Частота участия в выборах... последовательно возрастает при повышении уверенности индивидов в политическом влиянии, более 40 процентных пунктов отделяет тех,

у кого эта уверенность была наименее развита, от тех, у кого она была самой сильной» [Ibid., p. 103, 490].

Анализируя социальные и психологические причины вовлеченности граждан в американскую политику, Р.Э. Лэйн отмечал важность рассмотрения двух компонентов политической эффективности: внутреннего — уверенности индивида, что он может влиять на правительство, и внешнего, который подразумевает убежденность человека в том, что при противостоянии политической системе правительство решит его проблемы [15]. Эту идею развивают дальнейшие работы. «Эмпирические исследования и концептуальное объяснение предполагают, что понятие “чувство политической эффективности” имеет по крайней мере два различных аспекта: “внешний” для представлений людей о восприимчивости властей и институтов к интересам граждан и “внутренний” для оценки индивидуумом своих собственных политических способностей» [2, p. 31].

В известной книге под редакцией С. Барнеса и М. Кааса «Политическое действие: массовое участие в пяти западных демократиях» [3] при обсуждении политической неудовлетворенности также рассматривались два концепта, измеряющие представления людей о возможности воздействия политику. Один из них — способность индивида влиять на политику (*internal political efficacy*), а другой — восприимчивость политической системы к требованиям граждан (*system responsiveness*). Было показано, что эта восприимчивость является важной детерминантой конвенционального политического участия (уверенность в своей способности влиять на политику тоже связана с участием, но не во всех изучавшихся странах). В то же время уверенность в политическом влиянии оказывается мотиватором неконвенциональной, протестной активности, тогда как представления о восприимчивости системы оказались не связанными с потенциалом протеста [11]. Другие исследователи разделяют эту точку зрения, отмечая, что «не существует понятия политической эффективности, но под этим обозначением обсуждаются два концепта: субъективная компетенция и восприимчивость системы. Субъективную компетентность следует измерять по убеждениям насчет персональных способностей участвовать в политических акциях, тогда как восприимчивость системы нужно фиксировать по пред-

ставлениям о реакции системы на политическую активность граждан» [22, р. 15].

Политическая эффективность изучается с 1950-х гг., однако подходы к ее измерению не удовлетворяют исследователей в полной мере. Пилотажное исследование (NES pilot study), проанализировавшее более тридцати пяти суждений о политической влиятельности и доверии, позволило выделить четырех-шестипозиционные шкалы внутренней эффективности и шкалу внешней эффективности, отличающейся от измерений политического доверия [8]. Измерение внутренней политической эффективности в Национальном исследовании выборов (National Election Study 1988) с помощью четырех суждений подтвердило, что они фиксируют общее понятие, отличающееся от внешней эффективности и политического доверия, и для шкалы характерны внутренняя согласованность и валидность [17]. Например, оцениваемые суждения включали: «Я считаю себя способным участвовать в политике»; «Думаю, что я достаточно хорошо понимаю важные политические вопросы, стоящие перед нашей страной»; «Полагаю, что я мог бы столь же хорошо выполнять работу на государственной службе, как и большинство других людей»; «Думаю, я лучше информирован о политике и управлении, чем многие другие люди».

В другой работе, нацеленной на проверку этой шкалы внутренней эффективности и опирающейся на опросные и экспериментальные данные (по сведениям NES 1992 и 2000), подтверждается ее обоснованность, надежность и валидность [16]. Разработчики Европейского социального исследования также разделяют идею двойственности политической эффективности. «Субъективную компетенцию или внутреннюю эффективность можно определить как уверенность индивидов в своей способности понимать политику и действовать политически. Восприимчивость системы или внешнюю эффективность можно определить как убежденность индивида в отзывчивости политической системы» [9, р. 1]. Для их измерения предлагаются по две пары суждений, оцениваемых по шкалам Лайкерта.

Социальная демография, как показывают исследования, играет существенную роль в формировании представлений о политическом влиянии. Так, например, анализ трендов и социально-демографических коррелятов политической эффективности, по данным Международной

программы социальных исследований (ISSP, International Social Survey Programme, 1996, 2004, 2006, 2014, 2016, 46 стран), показал, что на индивидуальном уровне образование и доход положительно связаны с внешней и внутренней политической эффективностью, кроме того, у женщин обнаруживается более низкая внутренняя эффективность, чем у мужчин, а внешняя зависит от особенностей политического устройства, повышаясь с ростом представительства женщин среди избранных политиков [19].

Политическая эффективность и ее влияние на поведение могут зависеть от общественного и политического контекста. Согласно Исследованию доверия (OECD Trust Survey, 30 стран, около 60 тыс. респондентов, репрезентирующих население), только около 40 % опрошенных уверены в своей способности участвовать в политике [18, p. 92]. Эта доля отчетливо варьируется между странами (самые высокие показатели были в Ирландии — 64 %, и Швейцарии — 52 %).

Что касается восприимчивости политической системы к требованиям людей, всего лишь 37 % полагают, что правительство изменит политический курс, который не устраивает большинство граждан (самые высокие показатели в Швейцарии и Финляндии — 55 % и 51 % соответственно), а 42 % считают, что такое изменение маловероятно. Кроме того, в США представления об эффективности в политике связаны с действиями политиков и дизайном правления на уровне штатов: когда правительства позволяют гражданам выражать свое мнение и обеспечивают желаемые политические результаты, люди чувствуют себя более влиятельными [23].

Многоуровневое моделирование электорального участия и представлений граждан о своей политической эффективности (Сравнительное исследование электоральных систем, CSES, 27 демократий) показывает, что диспропорциональные избирательные системы оказывают негативное влияние на политические меньшинства. В пропорциональных системах у избирателей сильнее были выражены партийные предпочтения, которые усиливали политическую эффективность и повышали избирательное участие. В то же время пропорциональная репрезентация может оказывать на них и негативное воздействие — из-за необходимости формировать широкие коалиции, снижающие политическую эффективность [14]. Рассмотрение опрос-

ных данных Европейского социального исследования (European Social Survey 2014, 2016, 2018) продемонстрировало, что увеличение в странах доходных неравенств ведет к повышению политического недоверия вследствие сокращения воспринимаемой внешней политической эффективности (уверенности индивидов в невосприимчивости системы к их требованиям) [4].

Основные результаты, полученные при анализе 30 европейских стран (Европейское социальное исследование, ESS 2018), показывают, подтверждая известные факты, что уверенность индивидов в политической эффективности оказывает существенное влияние на их участие в политике [21]. Самооценка людьми своей способности понимания политических процессов (внутренняя эффективность) позитивно влияет на любую форму участия. Уверенность индивидов, что их участие окажет влияние на действия руководящих лиц (внешняя эффективность), позитивно связана с традиционными формами активности, однако негативно — с цифровым и внесистемным участием.

Систематический обзор и мета-анализ 193 исследований политического влияния и цифровых медиа показывает: «Многие граждане чувствуют себя бессильными в нынешнем глобализированном политическом контексте, несмотря на потенциал цифровых средств массовой информации для повышения их информированности о политике и расширения возможностей взаимодействия с избранными должностными лицами, чтобы попытаться повлиять на решения правительства» [5]. В то же время онлайн-сведения способствуют политической информированности, которая в свою очередь ведет к сетевому политическому участию. Мета-анализ зависимости между политической эффективностью и политическим участием онлайн и оффлайн (2000–2016, 48 работ, 28 стран, 51 860 респондентов) продемонстрировал, что представления о влиятельности положительно связаны с обеими формами участия — онлайн-поведение столь же тесно ассоциируется с политической эффективностью, как и активность оффлайн, и такая зависимость для политических действий онлайн остается стабильной во времени и в разных страновых контекстах [20].

При обсуждении связи между политической эффективностью и участием в политике отмечалось, что зависимость между ними яв-

ляется реципрокной: активное вовлечение в политику усиливает внешнюю эффективность, укрепляя уверенность индивида во влиянии на политиков [12; 13].

В России рассмотренные вопросы остаются практически неисследованными. Остается неясным, насколько распространена политическая эффективность в нашей стране, как она социально структурирована и связана ли с политическим поведением. Прояснить некоторые из этих вопросов призвано публикуемое исследование.

ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ

В данной работе рассматриваются представления российских граждан о возможностях влиять на политику — восприимчивость политической системы к требованиям людей и их уверенность в способности участвовать в политике. Основные задачи подразумевают оценку распространенности этих аттитюдов в российском обществе в соотнесении с другими посткоммунистическими странами и западными демократиями. Предполагается также охарактеризовать социальное структурирование этих представлений для выявления общественных слоев, отличающихся большей и меньшей политической влиятельностью. Кроме того, в фокусе внимания будут зависимости между представлениями индивидов о возможности политического влияния и их реальным участием в политике, а также выраженность таких зависимостей в более и менее развитых странах Европы.

Можно предположить, учитывая низкий уровень политической активности в нашей стране, что пассивность в российской политике обусловлена неверием наших сограждан в свои политические силы и уверенностью в закрытости политической системы к требованиям людей. В России эти аттитюды получают, вероятно, гораздо более широкую распространенность, чем в Западных демократиях. Не исключено, что они в нашей стране, как и в других государствах Европы, социально структурированы — большая политическая эффективность характерна для индивидов с более высоким социально-экономическим статусом, обладающих необходимыми для политической активности ресурсами, а также для мужчин в большей степени, чем для женщин, вследствие сохранения традицион-

ных представлений о гендерных ролях. Поскольку, как показывают исследования, политическая эффективность способствует вовлечению граждан в избирательный процесс, можно также допустить существование тесных взаимосвязей между представлениями о политическом влиянии и реальным неэлекторальным политическим поведением — с ростом субъективной эффективности будет наблюдаться повышение политического активизма в конвенциональных и протестных формах.

В исследовании анализировались данные репрезентативных опросов, выполненных в девятом раунде Европейского социального исследования в 30 европейских странах, включая Россию (ESS, 2018 г., см.: [10]). Российские сведения 9 раунда, не представленные в массивах ESS, были взяты из материалов следующего исследования: «Данные Российского социального исследования по программе ESS (Европейского социального исследования). Исследование проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре 2018 — феврале 2019 г., размер выборки составил 2 416 респондентов, опрошенных методом личных интервью у респондентов дома по случайной вероятностной выборке населения страны 15 лет и старше»¹. В число изучавшихся стран входили Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. Общее число опрошенных — 51 935 человек. Ориентация исследования на использование этих опросных данных позволяет провести сравнительное исследование политической культуры в странах Европы и России. В последующие годы Россия не принимала участия в ESS опросах, однако, как нам представляется, анализ указанных материалов может позволить лучше понять особенности политической культуры в нашей стране в сопоставлении с другими европейскими государствами.

В ходе опросов респондентам предлагалось ответить на две пары вопросов о возможностях влиять на политику — одна для измерения

¹ См.: URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=1>.

внешнего аспекта политической эффективности, другая — внутреннего. Формулировки вопросов и дескриптивная статистика для них приводятся в таблицах 1 и 2. Россия в этих дескрипциях сопоставляется с Хорватией и Норвегией — двумя странами с самыми низкими и высокими оценками субъективного политического влияния. Распределения ответов в нашей стране близки к Хорватии и сильно отличаются от Норвегии широким распространением негативных мнений о возможностях влияния на политику.

Как видно в таблице 1а, российские граждане в большинстве своем считают, что политическая система остается закрытой для влияния граждан: 39 % указывают, что она совсем не позволяет им влиять на решения правительства, и 33 % выбирают градацию «очень мало позволяет» (см. табл. 1а). О сильном влиянии сообщают лишь 1 % опрошенных, и еще 3 % полагают, что возможностей влияния «много». Сходным образом распределятся ответы в таблице 1б: респондентов, которые указывают, что возможностей влияния на политическую систему у них «совсем нет», насчитывается 52 %, а ответов «очень мало» — 30 %, тогда как позитивные мнения насчитывают в лучшем случае единицы процентов: «очень много» — 0 %, «много» — 2 % (см. табл. 1б).

Таблица 1а (Table 1a)

«В какой мере, на Ваш взгляд, нынешняя политическая система в [стране] позволяет таким людям как Вы сказать свое слово в решении о том, в каком направлении действовать правительству?»

“To what extent, in your opinion, does the current political system in [the country] allow people like you to have a say in deciding what course the government should take?”

	Хорватия (%)	Россия (%)	Норвегия (%)
Совсем нет	56	39	6
Очень мало	32	33	26
В некоторой степени	9	24	48
Много	1	3	18
Очень много	0	1	1
N	1 788	2 345	1 377

Таблица 1б (Table 1b)

«В какой мере, на Ваш взгляд, нынешняя политическая система в [стране] позволяет таким людям как Вы влиять на политику?»

“To what extent, in your opinion, does the current political system in [the country] allow people like you to influence politics?”

	Хорватия (%)	Россия (%)	Норвегия (%)
Совсем нет	51	52	6
Очень мало	37	30	27
В некоторой степени	10	16	43
Много	1	2	22
Очень много	1	0	2
N	1 788	2 384	1 376

Таблица 2а (Table 2a)

«Как Вы думаете, насколько Вы способны принимать активное участие в работе какой-либо группы, занимающейся политическими вопросами?»

“What do you think — how capable are you of taking an active part in the work of any group dealing with political issues?”

	Хорватия (%)	Россия (%)	Норвегия (%)
Совсем не способны	51	47	12
Лишь в небольшой степени способны	33	30	33
В целом способны	10	17	32
Во многом способны	3	4	18
В полной мере способны	3	2	5
N	1 786	2 363	1 381

В самооценках российскими респондентами способности активно участвовать в работе группы, занимающейся политическими вопросами, представленные в таблице 2а, значительно преобладают негативные мнения. Совсем неспособными к участию в политике оказались 47 %, и еще 30 % выбрали градацию «лишь в небольшой степени способны». Тех, кто уверен в своих политических способностях, оказалось очень немного: ответы «в полной мере способны» составляют лишь 2 %, «во многом способны» — 4 %. Аналогичным образом

Таблица 26 (Table 2b)

**«Насколько Вы уверены в том, что способны
принимать участие в политике?»**

“How confident are you in your ability to participate in politics?”

	Хорватия (%)	Россия (%)	Норвегия (%)
Совсем не уверены	47	48	14
Уверенности мало	35	28	28
Некоторая уверенность есть	12	17	37
Во многом уверены	3	5	17
Полностью уверены	3	2	4
N	1 787	2 372	1 397

распределяются ответы на второй вопрос об уверенности респондента в своих способностях участвовать в политике: «совсем не уверены» — 48 %, «уверенности мало» — 28 %, тогда как «полностью уверены» лишь 2 %, и еще 5 % — «во многом уверены».

Шкальные оценки, отражающие внешний (вопросы в таблице 1a 1б) и внутренний (вопросы 2a и 2б) аспекты способности политического влияния, тесно попарно связаны между собой (коэффициенты корреляции Пирсона — соответственно 0.65 и 0.68, $r < 0.001$), что позволяет представить их с помощью обобщенных показателей, полученных как средние арифметические значения исходных вопросов. Эти показатели рассматриваются в дальнейшем анализе в качестве зависимых переменных.

Независимые переменные фиксировали особенности социальной демографии и включали признаки пола, возраста (в годах и шести категориях), образования (общее число лет обучения в формальных образовательных учреждениях — школе, колледже, университете, аспирантуре и т.п., а также в четырех категориях), субъективного уровня жизни («живем комфортно на имеющийся доход», «справляемся», «живем трудно», «очень трудно») и места жительства (крупный город, небольшой город, сельское поселение).

Статистический анализ включал сравнение изучавшихся стран по процентным значениям готовности к политическому участию и восприимчивости политической системы к интересам людей. По россий-

ским данным проводился логистический регрессионный анализ: пятибалльные индексы возможностей влияния на политику были представлены укрупненными дихотомическими переменными, отделяющими тех, у кого значение превышало середину шкалы, и у кого оно было ниже. Данный анализ позволяет понять, в каких социальных слоях распространены эти аттитюды. Независимые переменные были представлены преобразованными шкалами, изменяющимися между значениями «0» и «1», так что регрессионные коэффициенты указывают на различия (в логарифмической метрике) между их полярными категориями. Кроме того, проводилось двухуровневое моделирование, позволяющее объяснить неодинаковую выраженность в разных европейских странах связей между зависимыми и независимыми переменными с помощью контекстуальных факторов, характеризующих уровень экономического развития стран и состояние демократии. Это — ВВП на душу населения, индекс воспринимаемой коррупции и агрегированный показатель удовлетворенности демократией. Использовались взвешенные данные, позволяющие устранить выборочные ошибки¹.

УВЕРЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Распространенность представлений в европейских странах о восприимчивости политической системы к нуждам людей представлена на рисунке 1 (см. рис. 1). Здесь приводятся процентные доли тех, кто склонен считать, что политическая система хоть в какой-то степени реагирует на требования граждан (отделяются респонденты со значениями индекса выше середины пятибалльной шкалы). Страны очень сильно отличаются между собой по этому показателю. Так, на одном полюсе с самыми высокими процентными значениями располагаются Швейцария, Норвегия, Дания, в которых позитивные мнения о политической системе высказывают больше половины участников опросов (56–64 %). Немного ниже располагаются Швеция, Исландия

¹ О весах в ESS см.: Kaminska O. Guide to using weights and sample design indicators with ESS data. Accessed 11.03.2026. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS_weighting_data_1_1.pdf.

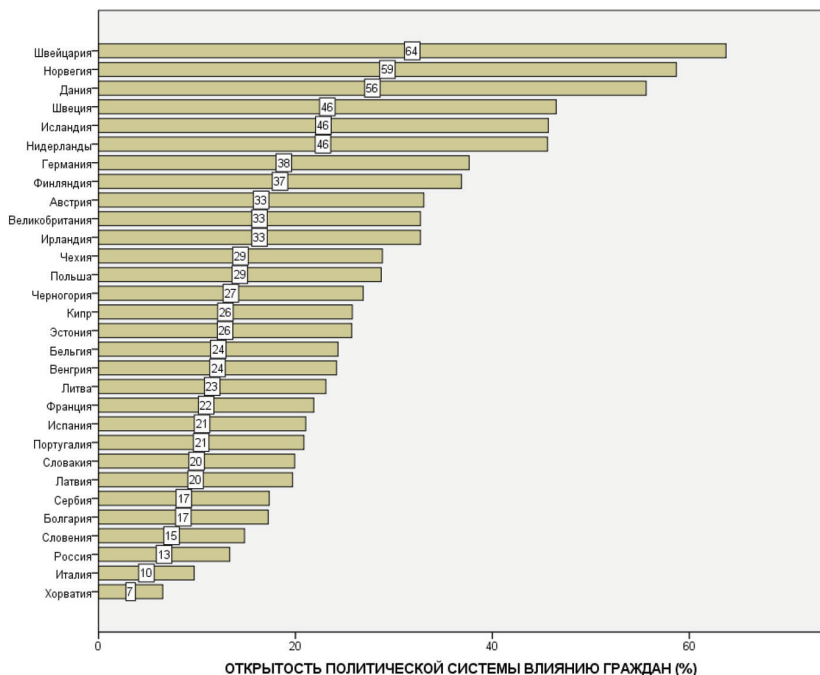

Рис. 1. (Fig. 1). Представления о восприимчивости политической системы к требованиям граждан в Европе

Perceptions of the political system's responsiveness to citizens' demands in Europe

Примечание. Процентные доли соответствуют оценкам внешней эффективности, равным или превышающим середину пятибалльной шкалы (значение 3).

Note. The percentages correspond to external effectiveness ratings equal to or above the midpoint of the five-point scale (a value of 3).

и Нидерланды (с показателями 46 %), еще ниже — Германия, Финляндия, Австрия, Великобритания и Ирландия (со значениями индекса 33–38 %). На другом полюсе — с самыми низкими значениями нашего индекса — оказались Хорватия, Италия, Россия, Словения, Болгария и Сербия (от 7 % до 17 %). Немного выше были оценки открытости политической системы в Латвии, Словакии, Португалии, Испании, Франции, Литве и Бельгии (20–24 %). Еще выше размещаются Эстония, Кипр, Черногория, Польша и Чехия (26–29 %).

Итак, во всех изучавшихся странах уверенность в открытости политической системы не имеет широкого распространения, однако

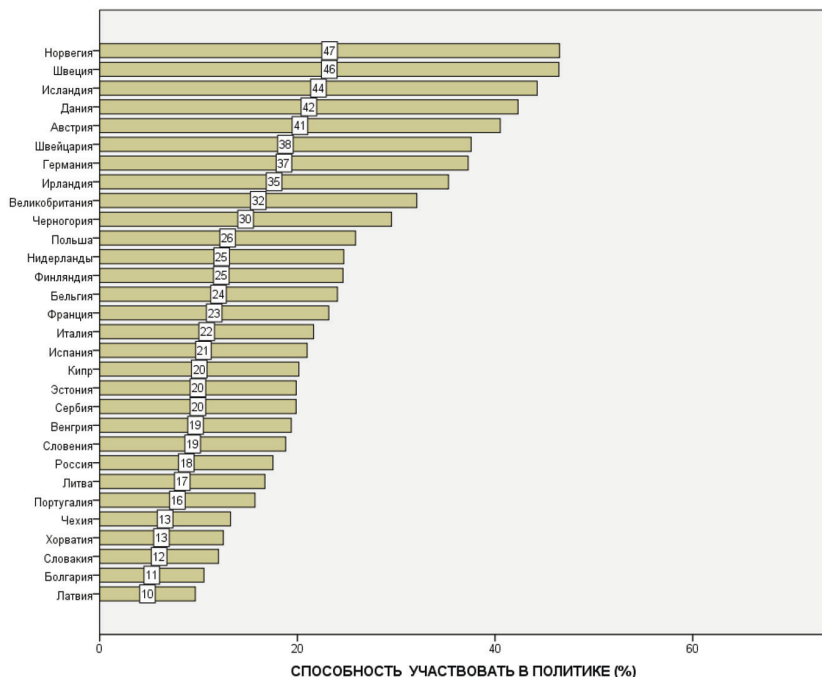

Рис. 2 (Fig. 2). Уверенность в способности влиять на политику
 в европейских странах

Confidence in the ability to influence policy in European countries

Примечание. Процентные доли соответствуют оценкам внутренней эффективности со значениями, равными или превышающими середину пятибалльной шкалы.

Note. The percentages correspond to internal effectiveness ratings equal to or above the midpoint of the five-point scale.

относительные различия между странами по этому показателю выражены с полной отчетливостью, отделяя стабильные западные демократии (с большей распространенностью этой уверенности) от менее развитых стран, представленных посткоммунистическими государствами и относительно менее развитыми странами из южной Европы (с меньшей ее распространенностью).

На рисунке 2 страны упорядочены по значениям другого индекса, фиксирующего самооценки способности людей к политической активности (см. рис. 2). Даже при мягком критерии разделения респондентов на тех, кто сообщает о своей способности влиять на политику,

и тех, кто этого не делает (дихотомизация по середине пятибалльной шкалы), ни в одной из стран распространенность этого аттитюда не превышает пятидесятипроцентной отметки. Однако относительные отличия между странами все же заметно варьируются, и упорядоченный список стран напоминает их распределение по индексу отзывчивости политической системы.

В самом деле, самые высокие показатели характерны для развитых западных стран, включая Норвегию, Швецию, Исландию и Данию (от 42 % до 47 %). Немного ниже они в Австрии, Швейцарии, Германии и Ирландии (35–41 %). Далее следуют Великобритания, Черногория, Польша, Нидерланды, Финляндия, Бельгия, Франция, Италия и Испания (21–32 %). На другом полюсе располагаются Латвия, Болгария, Словакия, Хорватия, Чехия, Португалия, Литва и Россия (10–18 %). Немного выше оценки в Словении, Венгрии, Сербии, Эстонии, на Кипре (19–20 %).

В посткоммунистических странах и некоторых относительно менее развитых государствах южной Европы лишь очень немногие верят в свои политические силы, тогда как в развитых западных демократиях такого взгляда придерживается заметное меньшинство.

Таким образом, во всех изучавшихся странах уверенность в возможности влиять на политику выражает меньшинство, более заметное в развитых демократиях и менее представленное в новых демократиях из бывшего коммунистического блока. По обоим индексам Россия оказывается среди стран с низкими показателями субъективного политического влияния.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ В РОССИИ

Результаты логистических регрессий в России, объясняющих в каких социальных слоях выше уверенность в восприимчивости политической системы к требованиям граждан и способность участвовать в политике, приводятся в таблице 3 (см. табл. 3).

Как видно во втором столбце таблицы 3, восприимчивость политической системы выше оценивается мужчинами, чем женщинами, респондентами из младших возрастных групп по сравнению со старшими, а также живущими в сельской местности или небольших городах по отношению к жителям крупных городов. Образование

Таблица 3 (Table 3)

Представления о политическом влиянии: социальные различия
Perceptions of political influence: social differences

Независимые переменные	Восприимчивость политической системы	Способность влиять на политику
Константа	-2.41***	-3.01*
Пол (ж=0, М=1)	0.38**	0.62***
Возраст (лет)	-0.68*	-0.70**
Образование (лет)	1.25	3.44***
Субъективный уровень жизни	-0.29	0.02
Место жительства		
Сельская местность	0.52**	0.18
Небольшой город	0.36*	-0.41**
Крупный город		
Nagelkerke R sq.	0.03	0.06
N	2 274	2 306

Примечание. Уровни значимости: * 0.05, ** 0.01, *** 0.001.

Note. Significance levels: * 0.05, ** 0.01, *** 0.001.

и субъективный уровень жизни не дифференцируют отношение опрошенных к политической системе. Объяснительные возможности этой регрессионной модели оказались более чем скромными (Nagelkerke R sq.=0.03) — это значит, что даже статистически значимые независимые переменные плохо дифференцируют представления об открытости/закрытости политической системы.

Правый столбец в таблице 3 показывает, что уверенность в своей способности влиять на политику в большей мере характерна для мужчин, чем женщин, молодых людей по сравнению со старшими поколениями, а также для хорошо образованных по отношению к менее образованным. У этих переменных немного выше объяснительные возможности, чем в предыдущей модели (Nagelkerke R sq.=0.06), но и тут, следует признать, дифференциации были не очень выразительными. Выявленные зависимости проиллюстрированы на рисунке 3, построенном по регрессионному уравнению для способности политического влияния (см. рис. 3).

Согласно рисунку 3а, 22 % мужчин уверены в своих политических силах, тогда как среди женщин об этом сообщили только 13 %. Рисунок 3б показывает, что в младших возрастных категориях такую уверенность выражают около 20 %, тогда как в старших лишь 12 %.

Как видно на рисунке 3в, с ростом уровня образования растет способность политического влияния — с 12 % у тех, чье образование было не выше неполного среднего, до 22 % в категории с высшим образованием.

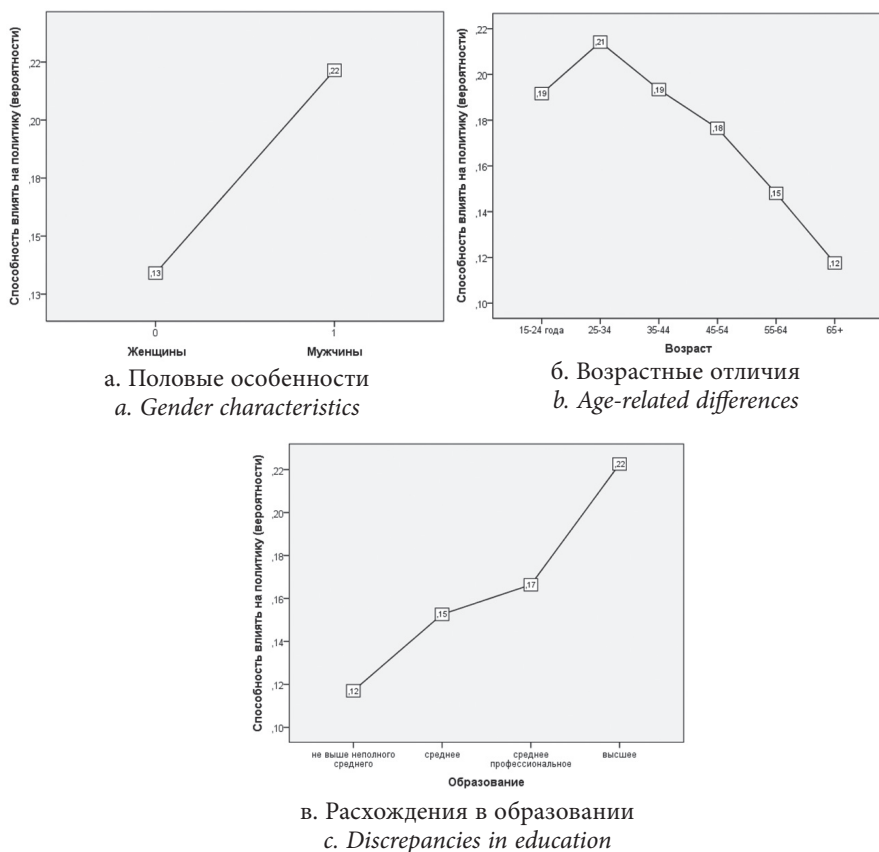

Рис. 3. (Fig. 3). Способность влиять на политику:
социально-демографические различия
The ability to influence policy: socio-demographic differences

Таким образом, анализ показывает, что в России преобладающее большинство респондентов считает, что они не способны участвовать в политике — политическая система остается закрытой для их требований и сами они не верят в свои политические силы. Такие представления характерны для любых социально-демографических срезов, хотя их немного реже можно встретить среди мужчин, респондентов младшего возраста и с более высоким уровнем образования.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ И УЧАСТИЕ В ПОЛИТИКЕ

Аттитюды на возможность политического влияния, как свидетельствуют исследования, упоминавшиеся в обзоре, играют важную роль, определяя реальное электоральное поведение и участие в политике. В опросах ESS фиксировалось участие за последний год в ряде конвенциональных политических акций. В России 2018 г. преобладающее большинство оставалось политически пассивным: на контакты с политиками указали лишь 7 % опрошенных, работу в партии — 4 %, в другой общественной ассоциации — 5 %, подписание петиции — 12 %, использование политической символики — 5 %, законную демонстрацию — 7 %, бойкот товаров и услуг — 3 %, политическую активность в Интернете — 7 %.

В таблице 4 представлены результаты логистических регрессий для России, в которых некоторые из этих акций рассматривались в зависимости от двух индексов уверенности респондентов в возможности влиять на политику (внутренней и внешней эффективности) и при контроле социальной демографии.

Результаты подтверждают соображение о тесной связи переменных субъективного политического влияния и участия в политических акциях. Все коэффициенты для этого аттитюда оказались положительными и статистически значимыми на высоком уровне: с ростом способности политического влияния заметно повышается активность, связанная с любой из приведенных акций. Характер таких зависимостей можно проиллюстрировать на примере связи между переменными внутренней эффективности и участия в подписании петиции (о котором заявляло больше всего респондентов), представленной на рисунке 4. Данная связь построена в соответствии с регрессионным уравнением (см. рис. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Детерминанты политического участия в России
Determinants of political participation in Russia

Независимые переменные	Обращение к политикам	Работа в ассоциации	Подписание петиции	Законная демонстрация	Бойкот товаров	Политика в Интернете
Константа	-4.98***	-3.68***	-3.45***	-3.81***	-6.12***	-3.79***
Способность влияния	0.78***	0.75***	0.76***	0.76***	0.53***	0.67***
Открытость системы	-0.16	-0.03	-0.16	-0.05	- 0.34	-0.23
Пол	-0.43*	-0.25	-0.60***	-0.39*	-0.42	0.03
Возраст	1.74***	-2.38***	-1.82***	-0.26	-0.90	-2.52***
Образование	0.88	0.80	3.47***	0.45	5.98***	2.76**
Уровень жизни	0.26	-0.37	-0.70**	-0.51	0.17	-0.03
Nagelkerke R sq.	0.10	0.13	0.17	0.10	0.08	0.13
N	2 223	2 224	2 225	2 220	2 222	2 220

Примечание. Уровни значимости: * 0.05, ** 0.01, *** 0.001.

Note. Significance levels: * 0.05, ** 0.01, *** 0.001.

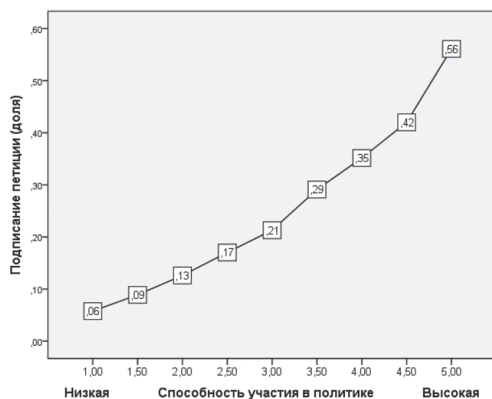

Рис. 4. (Fig. 4). Способность влиять на политику и подписание петиции в России

The ability to influence policy and sign petitions in Russia

Примечание. Рисунок построен по уравнению регрессии для подписания петиции в таблице 4.

Как видно на рисунке 4, доля индивидов, подписывавших петиции в адрес властей в течение года, быстро нарастает при сдвиге от низкой к высокой способности политического влияния. При этом надо иметь в виду, что высоко оценивают политическую влияние считанные единицы респондентов, а преобладающее большинство в свои политические силы не верит.

Теперь нам предстоит выяснить, отличаются ли описанные в России зависимости от других европейских стран и какими факторами такие отличия могут объясняться на контекстуальном уровне. С этой целью проводилось двухуровневое моделирование, в котором зависимая переменная была представлена индексом политического активизма (участие за последний год хотя бы в одной из восьми политических акций, описанных выше). Независимой переменной выступал показатель способности влиять на политику при контроле социальной демографии (пол, возраст, образование, место жительства, оценка уровня жизни), а фактором различий между странами — душевой ВВП. Интересующие нас результаты моделирования отображены на рисунке 5 (см. рис. 5).

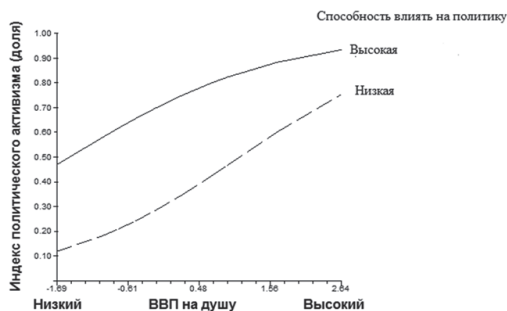

Рис. 5. (Fig. 5). Политическая активность и способность влиять на политику в странах Европы

Political activity and the ability to influence policy in European countries

Примечание. Рисунок построен по результатам двухуровневого моделирования: зависимая переменная — индекс политического активизма (участие хотя бы в одной политической акции из восьми), независимая переменная — способность влиять на политику, контроль — социальная демография, фактор второго уровня — душевой ВВП.
Note. The figure is based on the results of a two-level model: the dependent variable is the political activism index (participation in at least one of eight political actions); the independent variable is the perceived ability to influence politics; control variables include sociodemographic characteristics; and the second-level factor is GDP per capita.

Как видно на этом рисунке, с повышением фактора экономического развития — ВВП на душу — наблюдается значительный рост политического активизма (с этим фактором также тесно коррелируют известный индекс воспринимаемой коррупции и агрегированный из опросных данных показатель удовлетворенности демократией, их анализ подтверждает эту зависимость).

При этом выраженность указанных различий не зависит от фактора контекста — в любой из изучавшихся стран она проявляется с полной определенностью (небольшое сужение этого разрыва при высоких значениях контекстуального фактора, заметное на рисунке, не подтверждается статистикой для интеракции ВВП и уверенности в политическом влиянии, которая оказывается за границами общепринятых критериев статистической значимости).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных исследованиях политических аттитюдов важное место отводится представлениям граждан о возможности политического влияния — уверенности в том, что политическая система реагирует на их требования и что они способны участвовать в политике. В нашей стране, как показало исследование, преобладающее большинство не верит в восприимчивость политической системы к их интересам и считает себя неспособными к политической деятельности. По оценкам этих аттитюдов, Россия занимает одно из последних мест среди европейских стран, резко отличаясь от развитых стабильных демократий, где уверенность в возможности влиять на политику имеет значительно большее распространение. Представления, свидетельствующие о политической пассивности наших сограждан, широко распространены во всех социальных слоях, хотя немногим менее выражены они оказываются среди мужчин, респондентов младшего возраста и с высоким уровнем образования.

Уверенность в способности влиять на политику играет важную роль, определяя реальное участие в политике. С ней тесно связана конвенциональная политическая активность: с повышением этой уверенности растут контакты с политиками, участие в работе общественных ассоциаций, подписание петиций, выходы на законные демонстрации, бойкоты товаров и политическая активность в Интере-

те. Политический активизм, характеризующий вовлечение в эти акции, очень сильно отличается у тех, кто верит в возможности политического влияния, и кто в них не верит. Такой разрыв наблюдается не только в нашей стране, но и в других европейских государствах. Рост политической активности в развитых европейских демократиях происходит при сохранении значительных различий между индивидами, уверенными и неуверенными в способности влиять на политику.

Таким образом, массовые политические воззрения в нашей стране отличаются неверием в возможности общественного изменения посредством политической активности. Это неверие служит основанием для укрепления авторитарной власти и в свою очередь подкрепляется этой властью, ограничивающей для граждан возможности политического влияния.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru.

Research Article

VIACHESLAV V. SAFRONOV¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS
25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia

CITIZEN CONFIDENCE IN POLITICAL INFLUENCE: RUSSIA IN THE EUROPEAN CONTEXT

Abstract. The article is devoted to citizens' beliefs about the possibilities of influencing politics (political efficacy). Numerous studies of these beliefs have been conducted in Western democracies since the 1950s, but they remain poorly studied in Russia. An analysis of representative survey data collected in the 2018 European Social Survey (ESS, Round 9) in 30 countries, including Russia, showed that the overwhelming majority in our country do not believe that the political system is responsive to their interests and consider themselves incapable of political activity. According to these attitudes, Russia ranks among the last among European countries, standing in stark contrast to developed, stable democracies, where confidence in the ability to influence politics is much more widespread. Lack of faith in the ability to influence politics is widespread in Russia across all social strata, although it is slightly less pronounced among men, younger people,

and people with a high level of education. Political efficacy has a significant impact on the actual political participation of our fellow citizens: as it increases, so do rates of contact with politicians, participation in public associations, petition signing, legal demonstrations, product boycotts, and online political activity. Significant differences in political activity based on individuals' confidence in their influence on politics are observed not only in Russia but also in many other European countries. The conclusion notes that Russian political culture is characterized by a lack of faith in the possibility of social change through political activism.

Keywords: political efficacy, internal and external efficacy, social structuring, correlation with political behavior, comparative analysis, Russia and European countries.

For citation: Safronov V.V. Citizen confidence in political influence: Russia in the European context. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2026. Vol. 13. No. 1. P. 111–136. <https://doi.org/10.31119/pe.2026.13.1.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav V. Safronov — senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 316-3436. **E-mail:** vsafronov@list.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Сариева И.Р. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2019. Т. 12. № 64. Статья 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v12i64.231>. EDN: RIJKDK.
Sarieva I.R. Political self-efficacy: theoretical approaches and contemporary research. *Psychological Studies = Psychological Studies*. 2019. Vol. 12. No. 64. Article 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v12i64.231>. (In Russ.)
2. Balch G.I. Multiple indicators in survey research: the concept “sense of political efficacy”. *Political Methodology*. 1974. Vol. 1. No. 2. P. 1–43.
3. Barnes S.H., Kaase M., et al. *Political action: Mass participation in five Western democracies*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. 607 p.
4. Bienstman S., Hense S., Gangl M. Explaining the “democratic malaise” in unequal societies: Inequality, external efficacy and political trust. *European Journal of Political Research*. 2024. Vol. 63. P. 172–191. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12611>.
5. Boulianne S., Oser J., Hoffmann C.P. Powerless in the digital age? A systematic review and meta-analysis of political efficacy and digital media use. *New*

- Media and Society*. 2023. Vol. 25. No. 9. P. 2512–2536. <https://doi.org/10.1177/14614448231176519>.
6. Campbell A., Gurin G., Miller W.E. *The voter decides*. Evanston, IL: Row, Petersonm, 1954. 242 p.
 7. Campbell A., Gurin G., Miller W.E., Stokes D.E. *The American voter*. London; Chicago: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.
 8. Craig S.C., Niemi R.G., Silver G.E. Political efficacy and trust: A report on the NES pilot study items. *Political Behavior*. 1990. Vol. 12. No. 3. P. 289–314. <https://doi.org/10.1007/bf00992337>.
 9. ESS Round 8 Question design template — new core items: Political efficacy. 2016. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS8_political_efficacy_final_temp.pdf. Accessed 11.03.2026.
 10. European Social Survey European Research Infrastructure (ESS ERIC). ESS9 — integrated file, edition 3.2 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research. 2023. https://doi.org/10.21338/ess9e03_2.
 11. Farah B.G., Barnes S.H., Heunks F. *Political dissatisfaction. Political action: Mass participation in five Western democracies*. Ed. by S.H. Barnes, M. Kaase, et al. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. P. 409–447.
 12. Finkel S.E. Reciprocal effects of participation and political efficacy: A panel analysis. *American journal of political science*. 1985. Vol. 29 No. 4. P. 891–913. <https://doi.org/10.2307/2111186>.
 13. Finkel S.E. The effects of participation on political efficacy and political support: Evidence from a West German panel. *Journal of politics*. 1987. Vol. 49. No. 2. P. 441–464. <https://doi.org/10.2307/2131308>.
 14. Karp J.A., Banducci S.A. Political efficacy and participation in twenty-seven democracies: how electoral systems shape political behaviour. *British journal of political science*. 2008. Vol. 38. No. 2. P. 311–334. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000161>.
 15. Lane R.E. *Political life: Why people get involved in politics*. Glencoe, IL: Free Press, 1959. 374 p.
 16. Morrell M.E. Survey and experimental evidence for a reliable and valid measure of internal political efficacy. *The public opinion quarterly*. 2003. Vol. 67. No. 4. P. 589–602. <https://doi.org/10.1086/378965>.
 17. Niemi R.G., Craig S.C., Mattei F. Measuring internal political efficacy in the 1988 National Election Study. *The American political science review*. 1991. Vol. 85. No. 4. P. 1407–1413. <https://doi.org/10.2307/1963953>.
 18. OECD. *Government at a glance 2025*. Paris: OECD Publishing, 2025. <https://doi.org/10.1787/0efd0bcd-en>.

19. Oser J., Feitosa F., Dassonneville R. Who feels they can understand and have an impact on political processes? Socio-demographic correlates of political efficacy in 46 countries, 1996–2016. *International journal of public opinion research*. 2023. Vol. 35. No. 2. P. 1–11. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edad013>.
20. Oser J., Grinson A., Boulianne S., Halperin E. How political efficacy relates to online and offline political participation: a multilevel meta-analysis. *Political communication*. 2022. Vol. 39. No. 5. P. 607–633. <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2086329>.
21. Prats M., Meunier A. Political efficacy and participation: an empirical analysis in European countries. *OECD working papers on public governance*. No. 46. Paris: OECD Publishing, 2021. <https://doi.org/10.1787/4548cad8-en>.
22. Saris W.E., Torcal M. Alternative measurement procedures and models for political efficacy. *RECSM working paper*. 2009. No. 3. P. 1–21.
23. Wolak J. Feelings of political efficacy in the fifty states. *Political Behavior*. 2018. Vol. 40. P. 763–784. <https://doi.org/10.1007/s11109-017-9421-9>.